

Игумен Дамаскин (Орловский),
член Синодальной комиссии по канонизации святых,
клирик города Москвы

**Церковно-государственные отношения в начале XX столетия
на примере жизни священномученика
Гермогена (Долганева; 1858-1918)**

Процессы, определяемые юридическими законами, влияющими на отношения Церкви и государства, показательно бывает рассматривать на конкретных примерах применения их к конкретным личностям. Много было создано различных законов, ограничивавших права Русской Православной Церкви, следствием которых было изъятие у нее имущества и закрытие монастырей при императрице Екатерине II, но лучше всего видны взаимоотношения Церкви и государства в данный период на примере жизни митрополита Ростовского Арсения (Мацеевича). Этот пример хорошо показывает, к чему приводит процесс безграничного усиления светской власти над Церковью. В XX веке таким примером отношений между Церковью и государством может служить жизнь и деятельность епископа сначала Саратовского, а затем Тобольского и Сибирского Гермогена (Долганева). Аскет и просветитель, поборник расширения миссионерской деятельности внутри России, население которой все более отходило и от Церкви, и от евангельских идеалов, человек целиком преданный интересам Русской Православной Церкви, он пытался внести свою лепту в исправление того положения, которое вело Российскую империю к неизбежному краху, а Русскую Православную Церковь к неисчислимым страданиям.

К этому времени общий характер взаимоотношений между Русской Православной Церковью и государством в лице императора определялся подчинением Церкви созданной государственной властью обер-прокуратуре во главе с обер-прокурором. В последние годы синодального периода, по мнению современников, выразивших свою точку зрения на Поместном Соборе, «сфера влияния Церкви становилась все уже и уже, угрожая ограничиться одной лишь богослужебной практикой и делами духовного сословия, а вместе с этим и управление церковное приняло светский бюрократический характер, ни для кого, кроме подведомственных лиц не авторитетный»¹. Епископ Саратовский Гермоген сделал попытку расширить область рассматриваемых церковных вопросов, обсуждавшихся Святейшим Синодом, вывести их за круг тем, предлагаемых обер-прокурором, что само по себе не находило возражений у членов Синода. Однако все пошло по-иному, когда оказались затронутыми интересы тогдашнего фаворита императорской семьи Г. Распутина. И можно сказать с определенностью, что и увольнение епископа Гермогена от управления кафедрой в 1912 году, и ссылка его в Жировицкий монастырь под влиянием Г. Распутина являются прямым следствием существовавших тогда церковно-государственных отношений, суть которых заключалась во включенности Церкви в систему государственного аппарата, а следовательно, и в зависимости Церкви от государства, наиболее полно выразившейся в судьбе епископа Гермогена. И не случайно церковный историк И.К. Смолич называет его последней жертвой синодального правления².

К 1911 году окончательно утвердилось влияние Г. Распутина на императорскую чету. К этому же времени рассеялось заблуждение самого епископа Гермогена, как и некоторых других, касающееся личности Распутина: все суждения о Распутине, как о человеке безнравственном, оказались вполне справедливы. Кроме того, многие факты из жизни Распутина стали достоянием гласности. Глубоко скорбя о происходящем на глазах всех обмане, епископ Гермоген вознамерился призвать Г. Распутина к покаянию.

16 декабря 1911 года епископ Гермоген пригласил Распутина к себе на Ярославское подворье, где останавливался, когда приезжал в Санкт-Петербург на заседания Святейшего Синода. Он намеревался добиться от Распутина, чтобы тот поклялся, что не будет посещать семью императора. По рассказам свидетелей, епископ Гермоген стал обличать его за безнравственный образ жизни. Ошеломленный неожиданностью происходящего и не найдя слов для оправдания, Распутин признал справедливыми выдвинутые против него обвинения. Пройдя с Распутиным в домовый храм подворья, епископ Гермоген потребовал, чтобы тот поклялся на кресте и Евангелии, что исполнит ту епитимию, которую он ему даст. Распутин согласился.

Владыка запретил ему бывать в доме императора, а вместо того «поехать в Киев, посоветоваться там с киево-печерскими старцами, как ему замаливать свои тяжкие грехи; оттуда проехать на Афон и, очистившись от своей скверны, уехать в Иерусалим на поклонение тамошним святыням. “Приедешь в Россию не раньше, чем через три года, – сказал владыка. – И если я буду к тому времени жив, то посмотрю, испытаю тебя и, если найду тебя достойным, то разрешу тебе побывать в царском доме. Если же не исполнишь моего прещения, то анафемствую тебя”. Распутин обещал исполнить все, что приказал ему епископ, но чуть ли не в тот же день явился к А.А. Вырубовой³ с жалобами, что его избили, порвали на нем одежду и повалили на пол»⁴.

Клевета Распутина на епископа достигла слуха императорской четы, и 2 января 1912 года обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер⁵ подготовил доклад об увольнении епископа Гермогена от присутствия в Синоде в Саратовскую епархию.

На следующий день император Николай II подписал согласие на увольнение епископа Гермогена от присутствия в Святейшем Синоде. Этим действием само собой выявились, что обер-прокурор может обходиться при принятии решений об увольнениях и перемещениях архиереев вообще без участия членов Святейшего Синода. 7 января это положение было формально исправлено – указ был заслушан задним числом бывшими в то время в Санкт-Петербурге тремя архиереями, входившими в состав Святейшего Синода. В тот же день обер-прокурор В.К. Саблер довел это решение до сведения епископа Гермогена, прибыв к нему на Ярославское подворье.

Решение об увольнении епископа Гермогена было в тот момент неожиданным для многих членов Синода. «Увольнение епископа Гермогена, – сказал 9 января архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), – для меня, по крайней мере, явилось полной неожиданностью. По моему мнению, это увольнение не находится ни в какой зависимости от деятельности епископа Гермогена в Святейшем Синоде. Несмотря на все разногласия, которые были между Саратовским Преосвященным и некоторыми иерархами, сам Святейший Синод никогда не задумывался над вопросом об удалении епископа Гермогена. Мне думается даже, что и обер-прокурор Святейшего Синода не делал подобного представления»⁶.

Члены влиятельного кружка графини С.С. Игнатъевой⁷ сделали попытку примирить епископа Гермогена с Г. Распутиным. 14 января епископ Гермоген служил в Иоанновском монастыре на Карповке и горячо молился отцу Иоанну Кронштадтскому. Это была одиннадцатая годовщина его служения в епископском сане. В монастыре ему подарили рясу отца Иоанна, что стало для него некоторым утешением и напоминанием о поддержке, оказанной ему некогда праведником. В этот день представители графини С.С. Игнатъевой и Г. Распутин ожидали владыку, чтобы примириться. Но епископ Гермоген не стал встречаться с Г. Распутиным. В салоне графини С.С. Игнатъевой приняли тогда решение, что если эта встреча не состоится до 16 января и иеромонах Илиодор не возьмет на себя миссию примирить владыку с Г. Распутиным, то епископ Гермоген будет лишен «всякого покровительства»⁸.

Распутин не отрицал свою роль в гонении на епископа Гермогена, сделав по этому поводу публичное заявление корреспондентам газет. Решив оклеветать епископа Гермогена, он, как и во всех случаях со своими противниками был беспринципен и шел в своей беспринципности до конца. «Вот сколько на меня нападают за епископа Гермогена... – заявил он, – говорят, что я его враг... Какой же я могу быть враг такому большому человеку?.. Разве может быть равная борьба?.. Я только говорил друзьям* всю правду... К словам моим прислушались, так как в них была правда... А сколько ни кричи, к правде всегда прислушаются... Ее сколько ни гони, все равно выйдет наружу... Ложь велика, но правда больше... Правдивое слово все равно услышится и побьет ложь... Так и вышло. Люди сильные, а когда правду-то сказали, всё разлетелось...»⁹

Не веря, что инициатива его высылки исходит от императора, и предполагая, что это только дело рук В.К. Саблера, епископ Гермоген 16 января отправил императору телеграмму, прося о личной встрече¹⁰.

Днем 17 января обер-прокурор В.К. Саблер получил от императора телеграмму, что приема епископу Гермогену дано не будет, и он должен быть немедленно сослан в монастырь.

В воскресенье 22 января к министру внутренних дел А.А. Макарову прибыл генерал-адъютант В.А. Дедюлин¹¹ с обер-прокурором В.К. Саблером и отдал распоряжение, чтобы владыка Гермоген был отправлен из города в тот же день, а в случае неповиновения к нему должна быть применена сила. Тогда же в доме обер-прокурора состоялось совещание членов Святейшего Синода во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Владимиром (Богоявленским) относительно необходимости немедленного отъезда епископа Гермогена в Жировицкий монастырь. Святейший Синод поручил архиепископу Полтавскому Назарию (Кириллову) и епископу Кишиневскому Серафиму (Чичагову) переговорить с епископом Гермогеном и потребовать, чтобы он, исполняя волю государя, выехал из Петербурга сегодня же.

Епископ Гермоген ответил архиепископу Назарию и епископу Серафиму, что он, подчиняясь воле государя, сегодня же вечером выезжает в Жировицкий монастырь¹², что и исполнил.

После того, как влияние Распутина в деле увольнения епископа Гермогена было признано официально, группа известных мирян, среди которых были Федор Самарин, Виктор Васнецов, Павел Мансуров, Михаил Новоселов, обратилась в Святейший Синод с письмом. «Если это верно, – писали они, – то мы имеем дело уже не с какою-то сплетней темного происхождения, а с определенным, чуть ли не формальным обвинением. При таких условиях одни голословные опровержения не помогут. Пусть не на словах только, а на деле будет показано, что темная личность, неизвестно откуда всплывшая, не имеет приписываемого ей значения. Только этим можно положить предел смуте... Только нравственная сила может успешно бороться с убеждением хотя бы и ложным, но искренним и не поддающимся ни на какие уступки и сделки... В наше время твердость характера, сила воли и непреклонность в борьбе за то, что человек считает правдою, – явления в особенности редкие. Но они тем более ценны. Они оздоравливают нравственную атмосферу, поднимают дух и укрепляют веру, ибо воочию свидетельствуют о том, что еще не совсем иссякла в нашем обществе нравственная сила, которая одна способна двигать людей вперед, победоносно бороться с общественным злом и залагать крепкие основы для того духовного возрождения нашего, по которому мы все томимся»¹³.

Обер-прокурор В.К. Саблер, сознавая себя в деле епископа Гермогена неправым, поспешил исправить положение и 14 октября 1912 года подал императору письменный

---

* Имеется в виду императорская чета.

доклад, в котором писал: «Во внимание к тому, что Преосвященный епископ Гермоген... несет возложенное на него Святейшим Синодом послушание с полным смирением, проводя время в молитве, проповедании слова Божия и совершении частого богослужения, представлялось бы благовременным перевести его... в другой монастырь по усмотрению Святейшего Синода»¹⁴. На этом докладе император написал: «Согласен»¹⁵.

Однако фактически дело не сдвинулось, и, несмотря на согласие императора и Синода, епископ Гермоген не был переведен из Жировиц.

Видя, что дело, несмотря на резолюцию императора, не сдвинулось с места, обер-прокурор предпринял следующую попытку избавить епископа Гермогена от положения ссыльного и в очередном докладе 23 октября 1912 года, напоминая императору о его собственном решении, писал: «Его Императорскому Величеству благоугодно было... Всемиловитейше соизволить на перевод... Преосвященного Гермогена в другой монастырь по усмотрению Святейшего Синода и с возложением на него управления сим монастырем на правах настоятеля»¹⁶.

Однако, несмотря на письменное согласие императора, все осталось в прежнем положении, только война и приближение вражеских войск к Жировицам внесли изменение в положение епископа. 12 августа 1915 года исполняющий должность обер-прокурора Александр Дмитриевич Самарин¹⁷ запросил архиепископа Гродненского и Брестского Михаила (Ермакова), где находится владыка Гермоген в настоящее время¹⁸.

21 августа 1915 года верующие Саратова, встревоженные нахождением епископа Гермогена вблизи линии фронта, направили первенствующему в Синоде митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру телеграмму: «В виду наступления неприятеля [в] пределе Гродно [в] Жировицах находится до сего времени страдающий епископ Гермоген. Угрожающая ему опасность приводит в ужас жителей Саратова. Посему по просьбе их умоляем разрешить ему переехать хотя в столь тяжелое время»¹⁹. В тот же день митрополит Владимир запросил митрополита Московского Макария, может ли он «поместить в Николо-Угрешском или другом монастыре Московской епархии Преосвященного Гермогена»²⁰. На что тот тут же ответил, что «Преосвященный Гермоген может быть помещен [в] Угрешском монастыре»²¹.

Многие церковные люди хорошо понимали нелепость причины, по которой преследовался епископ Гермоген, и 28 апреля 1916 года великий просветитель Алтая, ревнитель церковной чистоты и подвижник благочестия митрополит Московский Макарий (Невский) предложил Синоду среди прочего, служащего укреплению и славе Церкви, «за смертью... настоятеля Давидовой пустыни назначить пребывающего на покое в Николо-Угрешском монастыре Преосвященного епископа Гермогена, бывшего Саратовского, с управлением сим монастырем»²².

Но и это оказалось невозможным. 25 июня 1916 года императрица Александра Федоровна писала императору: «...Вчера я принимала митрополита, мы с ним обсуждали вопрос о Гермогене, который уже несколько дней в городе, принимает репортеров и т.д. Он не имеет никакого права быть здесь, ты ведь ему не дал на это разрешения; он получил его от Волжина²³ и митрополита Влад[имира], в подворье которого он проживает в Киеве»²⁴.

1917 год явился переломным годом для России, когда завершилась эпоха абсолютистской монархии и в стране стали происходить политические и экономические процессы самого радикального характера.

Пришедшее к власти Временное правительство оставило, однако, старые, воспринимавшиеся обществом как нечто болезненное и отжившее, учреждения и должности – такие, как обер-прокуратура и обер-прокурор, которым 3 марта 1917 года стал В.Н. Львов; через него правительство по-прежнему пыталось управлять Церковью, и 4 марта новый обер-прокурор объявил Синоду, что тот распускается, и будет созван другой из

членов симпатизирующих церковным реформам. 20 марта Временное правительство издало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», и таким образом Русская Православная Церковь окончательно теряла свое господствующее положение, и без того ограниченное указом от 17 апреля 1905 года.

Определением Святейшего Синода 7-8 марта 1917 года епископ Гермоген был назначен епископом Тобольским и Сибирским вместо уволенного на покой тем же определением архиепископа Варнавы (Накропина)²⁵. Епископ тут же выехал в Тобольск и последнюю неделю Великого поста уже служил в кафедральном соборе. Он служил почти ежедневно – то в соборе, то в приходских храмах. «В каждом его шаге, – вспоминали о нем его современники, – чувствуется монах, совершенно отрешившийся от мира и ушедший внутрь себя»²⁶.

20-го и 27 мая 1917 года в Тобольске, как и во многих других епархиальных центрах страны, прошел чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян, попытавшийся выработать отношение к современным событиям и реформам. Поскольку Святейший Синод не уполномочивал епархиальных архиереев утверждать постановления съездов, то епископ Гермоген, представив в Синод некоторые постановления, выразил и свое суждение по вопросам, которые считал важными, как например, отношение съезда к чрезвычайным событиям, переживаемым страной²⁷.

«Кажется, в данном отношении моя формула по своему смыслу и содержанию будет мало отличаться от формулы вверенного мне духовенства Тобольско-Сибирской епархии, – писал он. – Я не благословляю случившегося переворота, не праздную мнимой еще “пасхи” (вернее же, мучительнейшей Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душою духовенства и народа, не лобызаю туманное и “бурное” лицо “революции”, ни в дружбу и единение с нею не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божией, завтра... А сложившуюся (или “народившуюся”) “в бурю революции” власть Временного правительства считаю вполне естественным и необходимым – для пресечения и предупреждения безумной и губительной анархии – признавать и об этой власти и правительстве молиться, дабы они всецело служили одному лишь благу Родины и Церкви»²⁸.

20 июня 1917 года Временное правительство объявило о передаче всех церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения, и таким образом государству целиком передавалось дело просвещения²⁹.

14 июля Временное правительство издало декрет «О свободе совести», а 25 июля обер-прокурор В.Н. Львов был уволен, а на его место назначен А.В. Карташев³⁰, который оставил все распоряжения принятые В.Н. Львовым в силе, придерживаясь той же самой практики вмешательства во внутренние дела Церкви. 5 августа 1917 года Временное правительство упразднило обер-прокуратуру создав вместо нее Министерство исповеданий, однако, перемена была только в названии, так как в соответствии с этим постановлением министру исповеданий «присваиваются права и обязанности, ныне принадлежащие обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода»³¹. Министром исповеданий был назначен А.В. Карташев.

Вскоре должен был начать свою работу Поместный Собор Православной Российской Церкви, в задачи которого входила выработка форм управления Русской Церкви, но и здесь Временное правительство, хотя и разрешало Собору «выработать... законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви»³², однако тут же и объявляло о зависимости Церкви от государственной власти, постановив: «Сохранить впредь до принятия Государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении Св. Правительствующего Синода и состоящих при нем учреждений»³³.

Временное правительство было недовольно мужественным епископом и 7 сентября 1917 года министр исповеданий А.В. Карташев, не находя законных формулировок для своего предложения уволить епископа Гермогена и действуя точно в том же духе, в котором действовал В.К. Саблер, но уже без императора, предложил Святейшему Синоду дать епископу Гермогену, прибывшему из Тобольска для участия в Поместном Соборе, для видимости какое-нибудь поручение, чтобы задержать его в Петрограде или в Москве и таким образом не допустить до управления епархией³⁴. Однако на этот раз в новых исторических условиях просьба министра была проигнорирована, и член Синода митрополит Платон (Рождественский) сообщил епископу Гермогену, что Синод не будет задерживать владыку в Москве, так как ходатайство министра мотивировано крайне слабо³⁵.

25 октября 1917 года к власти пришли большевики. 11 декабря Совнарком постановил передать все учреждения, имеющие отношения к образованию, включая духовные семинарии и академии, вместе с землями и со всем находящимся в них имуществом, Комиссариату народного просвещения³⁶. 21 января 1918 года был издан декрет Совнаркома об отделении Церкви от государства. В соответствии с этим декретом «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается... Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют... Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»³⁷.

Фактически этим декретом Русская Православная Церковь как религиозная организация лишалась всего имущества, она была упразднена материально как существующая на земле и не признавалась как сообщество, имеющее духовные цели. Ее как бы не было, а были группы граждан, которым власти могли давать или не давать в силу расплывчатости формулировок декрета во временное пользование те или иные культовые здания. По прошествии девяноста лет мы уже знаем, что большевики надолго утвердились во власти и, соответственно, декреты стали признаваться как государственные законы, однако, с точки зрения людей, живших в 1918 году, когда в стране оставались политические силы, боровшиеся за власть, и сама советская власть не была признана на территории страны повсеместно, декреты одной из политических сил не могли восприниматься законными. Эти сомнения в законности декретов и самого советского правительства в 1918 году нельзя не учитывать, исследуя этот период времени.

Выдающийся церковный деятель того времени, протоиерей Иоанн Восторгов, анализируя изданный советской властью декрет, пришел к недвусмысленным выводам о характере и направлении его действия. Для нас суждение протоиерея Иоанна интересно не только его анализом с чисто правовой точки зрения, но как историческое свидетельство того, как оценивал этот декрет современник событий.

«Отделение Церкви от государства есть вывод из понятия о свободе государства и о свободе Церкви, – писал отец Иоанн. – Каждый, при таком строе, волен веровать или не веровать, и если он верующий, то и веровать как ему угодно и устроить свою религиозную жизнь по собственному своему желанию, по своим убеждениям и склонностям. Церковь не вмешивается в дела государства, государство не вмешивается в дела Церкви, – вот результат разделения их. Это общее правило, однако, всегда приводило в жизни и в частностях устройства этой жизни к принудительным мерам и господству над Церковью. Так случилось и теперь, Церковь не получает по декрету ничего от государства, но государство забирает... у Церкви все материальные средства, земли, имущества, даже священные сосуды и

принадлежности богослужения. Церковь по декрету не имеет никакого касательства к государству, а государство: одно запрещает, другого не допускает, об ином, включительно до пользования храмами, требует ходатайства Церкви пред государством, и даже не указывает точно определенных и обозначенных случаев, когда государство обязано удовлетворить желание церковных обществ, когда верующие в праве потребовать от государства исполнения их желаний. Церкви декретом указаны только обязанности, государству даны только права...

Церковь лишена огня и воды, как в древности преступники, и объявлена вне закона... Верующие наравне с тяжкими преступниками или сумасшедшими лишаются прав гражданского состояния... Таков и есть декрет наших правителей, о котором сейчас у нас речь, по крайней мере – в том изложении и содержании, как он объявлен. Надобно признаться, что всегда и всякие правительства, как обладающие силою, переходили в вопросе об отделении Церкви от государства на положение насильников и отнимали у Церкви значительную часть имуществ – однако, всегда только часть, но не все. Наши правители отняли в полном смысле все и сразу... Всегда правительства, отнимавшие имущества церковные, ссылались на то, что они захватывают их для народного блага и как народное достояние. Правда, что никогда и ничего при этом народу не попадало, как не попадает и теперь: народ ничего не получал, а вместо разграбленных имуществ созидал своими жертвами новые. Но эти правительства хотя и ошибались, хотя часто и расхищали достояние церковное или обращали его вовсе не в народное достояние, но сами они были законными и народом признанными. Наше же теперешнее правительство не может сказать о себе ничего подобного. Оно есть представительство только одного класса народа, а не всего народа: оно пришло к нам через насильственный переворот, обещая собрать в срок и как можно скорее Учредительное Собрание, которое и дало бы нам общепризнанное правительство; оно, по существу, есть правительство временное... Объяснимся. Бывший государь отрекся от престола: манифестом к бывшим подданным он разрешил их от присяги и указал преемника; преемник же, отрекшись от власти, новым манифестом указал нам повиноваться Временному Правительству, вышедшему из Государственной Думы, которое и должно было созвать Учредительное Собрание, имеющее дать России постоянный образ правления. Мы приняли и исполнили этот манифест, и по нашей христианской совести в церквях молились за Временное Правительство. Оно, это Временное Правительство, что бы о нем ни говорили, было по формальному праву – законным. Нынешние же правители тех законных правителей низвергли... воцарились над ними силою оружия, а созданное ими же Учредительное Собрание разогнали силою принуждения.

Уже с этой стороны, именно с формальной, теперешняя власть не может быть признана законною... хотя как христиане, и не боремся оружием и заговорами...

Итак, самый декрет об отделении Церкви от государства, как данный не законным правительством и не утвержденный российской общенародной властью, всеми признанной, – является незаконным, необязательным, и мы можем подчиниться ему не по христианской нашей совести, а только по принуждению...»³⁸

Естественно, что такой закон, фактически упразднивший Церковь, ею самой был осознан как открытое объявление о начинающихся против нее гонениях; при таком законе любые стороны жизнедеятельности Церкви – будь то благотворительность, просвещение, строительство храмов, дела милосердия – оказывались вне закона и совершавшие таковые действия подлежали наказанию.

25 января 1918 года Священный Собор Православной Российской Церкви квалифицировал изданный советской властью декрет как «злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»³⁹.

Особой заботой епископа Гермогена стали возвращавшиеся с полей сражений фронтовики. По существу они были брошены обществом, а власть имущие толкали их на грабежи и разбой. В конце февраля 1918 года в Тобольске в архиерейских покоях состоялось заседание Иоанно-Дмитриевского братства под председательством епископа Гермогена. На собрании владыка произнес горячую речь, в которой обрисовал психологию солдата-воина, отметив, что солдат-страдалец ждет от общества помощи, а не осуждения, и призвал всех помочь солдатам-фронтовикам. Решено было для этой цели организовать особый отдел при Братстве. Забота епископа о фронтовиках привела большевиков в бешенство: они старались разжечь в солдатах классовую ненависть, в то время как архиерей оказывал им материальную помощь и звал к миру.

11 апреля 1918 года в местной газете против епископа Гермогена была опубликована угрожающая статья. Близкие сообщили владыке, что против него что-то замышляется.

12 апреля, открывая заседание совета Иоанно-Дмитриевского братства, владыка сказал, что по имеющимся в его распоряжении сведениям, в одну из ближайших ночей он будет арестован и увезен из Тобольска.

13 апреля в архиерейских покоях и в обоих домовых храмах был произведен обыск. В поисках епископа красногвардейцы ходили по алтарю в шапках, дотрагивались до жертвенника и до святого престола, смеясь над православными святынями. На следующий день, во время богослужения, епископ Гермоген обратился к присутствовавшим в храме со словом; рассказав об обыске, он заявил, что его общественная деятельность чужда политике и находится в рамках обязанностей православного архиерея.

15 апреля 1918 года, в Вербное воскресенье, епископ Гермоген был арестован и под конвоем доставлен в штаб Красной гвардии, разместившийся в здании духовного училища.

17 апреля исполнительный комитет Тобольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов опубликовал обращение к гражданам Тобольска и Тобольской губернии относительно ареста епископа, где его обвиняли в том, что он «нарушил данное обещание, обрушившись в проповеди на святотатство...»⁴⁰.

Организованная впоследствии согласно постановлению патриарха Тихона и Священного Синода комиссия по расследованию акта насилия, учиненного над епископом Гермогеном, попросила Тобольский исполком предоставить ей документальный материал, на котором строились обвинения владыки, и произвела собственное расследование, на основании которого составила полный отчет об обстоятельствах ареста и смерти епископа.

Председатель исполкома Дислер ответил, что епископ Гермоген арестован по распоряжению Центрального исполнительного комитета как черносотенец и погромщик, но у них нет никаких документальных данных, изобличающих его преступную деятельность.

В час ночи 16 апреля красногвардейцы тайно вывезли епископа из Тобольска и повезли по испорченной весенней распутицей дороге в Тюмень, а затем в Екатеринбург, куда он прибыл в среду Страстной седмицы, 18 апреля, и был помещен в тюрьму вблизи Сенной площади, рядом с Симеоновской церковью. Дверь камеры, куда поместили владыку, выходила в особый коридор, перпендикулярный главному и отделенный от него глухой дверью с запором. Надзор администрации был очень строгим, камера постоянно находилась на замке, пронести можно было только обед, который доставлялся из местного женского монастыря, воду для чая и одну-две книги религиозно-нравственного содержания, но на это требовалось каждый раз разрешение комиссара.

Оказавшись в екатеринбургской тюрьме, епископ Гермоген потребовал, чтобы ему было разрешено написать объяснительную записку Екатеринбургскому областному Совету народных комиссаров. В ней он, в частности, писал: «Политическую агитацию... я отнюдь нигде и никогда не допускал, даже вообще для себя всякую политику считаю ненужным

балластом, старым тряпьем; ни в каких партиях или политических группах не был и не знаю об их существовании в Тобольске. Обвинение заведомо ложное...»⁴¹

Из тюрьмы владыка написал патриарху Тихону письмо с изложением всех происшедших за последнее время событий и смиренно просил, если то Богу будет угодно, оставить его на Тобольской кафедре, а пребывание в тюрьме и всякое другое насильственное задержание вне епархии считать за продолжение служения.

Прибывшая в Екатеринбург от епархиального съезда делегация, состоявшая из протоиерея Ефрема Долганева, священника Михаила Макарова и Константина Александровича Минятова, начала хлопоты по освобождению епископа на поруки. Руководители Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов назвали сумму залога в сто тысяч рублей.

Узнав об этом, владыка написал: «Дорогие о Господе... отец Ефрем, отец Михаил и Константин Александрович! Милость Божия будет со всеми вами. Узнал, что мое освобождение возможно под условием залога, вернее выкупа (так как “отданные раз деньги уже не выдаются обратно”, как говорят повсюду), в сто тысяч рублей!!!

Для меня это, конечно, несметное количество денег; сто рублей я бы еще дал из своего старого... небольшого жалованья – даже, пожалуй, до трехсот рублей (это последняя грань). Если же паства будет выкупать меня, то какой же я “отец”, который будет вводить детей в такие громадные расходы вместо того, чтобы для них приобретать или им дать. Это что-то несовместимое с пастырством. Наконец, я ведь вовсе не преступник, тем более уж не политический преступник... Затем, можно ли поручиться, что они, взявши сто тысяч (страшно даже выговорить), вновь не арестуют меня через сутки всего...

Если я “преступник” для них со стороны церковной среды, то перестанут ли они считать меня таковым, сами преступая все правила и законы церковные, вторгаясь в Церковь и вынуждая меня вступать в защиту Церкви»⁴².

Власти, поторговавшись, уменьшили сумму выкупа до десяти тысяч рублей. Деньги при содействии местного духовенства были получены от коммерсанта Д.И. Полирушева и переданы властям. Председатель Тобольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов П.Д. Хохряков дал расписку в получении денег, но вместо того, чтобы отпустить епископа, распорядился арестовать членов делегации, которые вскоре были убиты, еще раньше, чем был убит епископ, что было, однако, вполне естественным при правовом сознании и моральном состоянии представителей тогдашней власти.

25 июня 1918 года епископ Гермоген в числе других арестованных был увезен из екатеринбургской тюрьмы. Ночью 26 июня поезд прибыл в Тюмень, где была сформирована под руководством Хохрякова речная флотилия, и все узники были доставлены на пароход «Ермак». Вечером следующего дня пароход остановился у села Покровского, и здесь всех бывших на пароходе узников, исключая епископа и священника, перевели на флагманский пароход «Ока», где находился Хохряков, а затем высадили на берег и расстреляли.

Готовясь к столкновению с войсками Сибирского правительства, красногвардейцы возводили на пароходе «Ермак» укрепления и заставили трудиться над ними епископа и священника. Владыка был одет в рясу серого цвета, чесучовый кафтан, подпоясан широким кожаным поясом, на голове – бархатная скуфейка. Он был физически изнурен, но бодрость духа не покидала его; таская землю, распиливая доски и прибивая их гвоздями, он все время пел пасхальные песнопения.

28 июня в десять часов вечера епископа и священника перевели на пароход «Ока». Подходя к трапу и уже предчувствуя близкую кончину, архипастырь тихо сказал лоцману парохода «Ермак»: «Брат, скажи всему великому миру, чтобы обо мне помолились Богу».

На пароходе арестованных посадили в грязный и темный трюм; пароход пошел вниз по реке по направлению к Тобольску. Хохряков распорядился казнить узников. Около полуночи красногвардейцы казнили священника.

В половине первого ночи епископа Гермогена вывели из трюма на палубу. До последней минуты он творил молитву. Когда палачи перевязывали веревкой камень, он кротко благословил их. Связав епископа и прикрепив к нему на короткой веревке камень, убийцы толкнули его в воду. Всплеск воды от падения тела заглушил дикий хохот озверевших людей.

Честные останки епископа Гермогена были вынесены вместе с камнем на берег реки и 16 июля обнаружены крестьянином села Усальского Георгием Лосевым, который нашел тело епископа со связанными на спине руками и привязанным к рукам веревкой тяжелым тридцатикилограммовым камнем.

Впоследствии честные останки священномученика Гермогена, епископа Тобольского и Сибирского, были погребены в склепе, устроенном в Иоанно-Златоустовском приделе Софийско-Успенского собора на месте могилы прославленного в 1916 году святителя Иоанна, митрополита Тобольского.

24 августа (6 сентября) 1918 года при открытии одного из заседаний Поместного Собора товарищ председателя митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) довел «до сведения Собора, что... расстреляны Преосвященный Макарий (Гневушев)⁴³ епископ бывший Орловский, и протоиерей И.И. Восторгов. Кроме того... найдено тело Преосвященного Гермогена, епископа Тобольского; оба мученически пострадавшие Преосвященные – Макарий и Гермоген – состояли членами нашего Собора. Воспоем им и протоиерею И.И. Восторгову “Со святыми упокой”»⁴⁴, – сказал он.

Дело епископа Гермогена вызвало в свое время широкий общественный резонанс. В своих суждениях авторитетные церковные люди дали высокую оценку общественной значимости поступков епископа Гермогена отстаивавшего достоинство Церкви и независимость ее от светской власти, олицетворяемой в личности обер-прокурора, сравнивая их с поступками митрополита Ростовского Арсения (Мацеевича), открыто выступившего против екатерининских реформ, направленных на изъятие церковного имущества и ограничение свободы Церкви. Не случайно митрополит Арсений (Мацеевич) и епископ Гермоген (Долганев) были канонизированы в 2000 году на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, освободившейся от государственного надзора.

---

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1994. Том 2. Деяние XXVI. С. 285.

² Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 1. М., 1996. С. 295.

³ Вырубова Анна Александровна (1884-1964) – фрейлина императрицы Александры Федоровны с 1904 года. Посредница между царской семьей и Г. Распутиным.

⁴ Григорий Распутин в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 52-53.

Впоследствии появилось много домыслов, искаживших происшедшее на встрече епископа Гермогена с Распутиным, но воспоминания очевидцев, написанные сразу вслед за событиями, говорят, что события развивались именно таким образом, как о том пишут Бадмаев в письме императору и иеромонах Илиодор в январе 1912 г. Впоследствии Илиодор будет излагать события, значительно приукрасив их собственной фантазией // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 28. 1912 г. Л. 6; Ф. 713. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847–1929). С 21.05.1892-06.05.1905 – товарищ обер-прокурора Св. Синода, 02.05.1911-05.07.1915 – обер-прокурор Св. Синода.

⁶ Газ. «Биржевые ведомости». 1912. № 12726.

-
- ⁷ Игнатъева Софья Сергеевна (1850-1944) – графиня, вдова генерал-адъютанта А.П. Игнатъева, убитого в 1906 году террористом. Держала правый политический салон, где собирались архиереи, священники и политические деятели.
- ⁸ Газ. «Русское слово». 1912. № 12.
- ⁹ Газ. «Вечернее время». 1912. № 70.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 516. Л. 25.
- ¹¹ Дедюлин Владимир Александрович (1858-1913). С 1906 года – дворцовый комендант.
- ¹² Газ. «Свет». 1912. № 21.
- ¹³ По поводу нового официозного сообщения о деле епископа Гермогена. М., 1912. С. 6, 15.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 969. Л. 164.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Оп. 85. 3 отд. 4 ст. Д. 193. Л. 12.
- ¹⁷ Самарин Александр Дмитриевич (1868-1932). В июле – сентябре 1915 года обер-прокурор Св. Синода. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 85. 3 отд. 4 ст. Д. 193. Л. 13
- ¹⁹ Там же. Ф. 796. Оп. 194. Д. 1102. Л. 106.
- ²⁰ Там же. Л. 109.
- ²¹ Там же. Л. 113.
- ²² Там же. Оп. 202. 1 отд. 5 ст. Д. 418. Л. 11 об.
- ²³ Волжин Александр Николаевич (1860-1933). В 1915-1916 годах обер-прокурор Св. Синода, сменивший на этом посту А.Д. Самарина.
- ²⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. 1916-1917. Том IV. М.–Л., 1926. С. 343.
- ²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 518. Л. 133 об.
- ²⁶ Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 26-27-28. С. 238.
- ²⁷ Там же. 1917. № 29. С. 400.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 2. М., 1997. С. 720.
- ³⁰ Карташев Антон Владимирович (1875-1960). С 25.07.1917 – обер-прокурор Св. Синода. С 05.08.1917 по 25.10.1917 – министр вероисповеданий Временного правительства.
- ³¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1994. Том 1. Документы. Материалы. Деяния I –XVI. С. 52.
- ³² Там же. С. 53.
- ³³ Там же.
- ³⁴ РГИА. Ф. 831. Д. 86. Л. 126.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 737. Л. 93.
- ³⁶ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 21-22.
- ³⁷ Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 373-374.
- ³⁸ Газ. «Церковность». 25 февраля 1918 г. № 349.
- ³⁹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1996. Том 6. Деяния LXVI–LXXXII. С. 72.
- ⁴⁰ Черные дни русского православия. (Документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти. 1917–1965 гг.). Тюмень, 1992. С. 20.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 737. Л. 95.
- ⁴² Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 1-2. С. 22.
- ⁴³ Макарий (Михаил Васильевич Гневушев; 1858-1918) – еп., сщмч. С 1917 года – еп. Орловский и Севский. 05.06.1917 уволен на покой, назначен управляющим Вяземского Предтечевского м-ря Смоленской еп. Расстрелян. Память 22 августа/4 сентября.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 24. Л. 138.